

**ЗАГАДКА И.И. МАНУХИНА — РОССИЙСКОГО ВРАЧА,
УЧЕНОГО И ОБЩЕСТВЕННОГО ДЕЯТЕЛЯ**

Будет

Ничто не сбывается,
А я верю.
Везде разрушение,
А я надеюсь.
Все обманывают,
А я люблю.
Кругом несчастье,
Но радость будет.
Близкая радость,
Нездешняя — здесь.

Эти стихи русская поэтесса Зинаида Николаевна Гиппиус, которую когда-то называли «словом и голосом России», посвятила своему близкому другу — Ивану Манухину [1]. Они написаны в 1922 г., во Франции, в трудные для русской эмиграции годы. Оказавшись перед выбором места своего изгнания, ни Гиппиус, ни Манухин не колебались — их новым домом стал Париж — один из крупнейших и красивейших городов мира, центр искусства, литературы, науки.

Для современного читателя Иван Иванович Манухин — незнакомое имя. Однако, в дореволюционном Петербурге он был хорошо известен как частнопрактикующий врач-терапевт, среди пациентов которого были князья из рода Романовых, многие литераторы и писатели (М. Горький, Д. С. Мережковский и др.), министры царского и Временного правительства, лауреат Нобелевской премии И. И. Мечников, и другие известные и менее известные люди. Красивый, широко образованный человек И. И. Манухин был не только блестящим врачом-практиком, но и талантливейшим ученым-иммунологом, бактериологом, радиобиологом, открывшим и предложившим клинике новые методы лечения туберкулеза (иммунологический и радиобиологический), ученым, чьи научные работы были признаны во многих европейских странах.

В поразительном по своей правдивости и точности историческом документе, рассказывающем о жизни русской интеллигенции Петрограда в 1914—1919 гг., — «Дневнике Зинаиды

Русский врач, ученый и общественный деятель И. И. Манухин

Николаевны Гиппиус» (известном как «Петербургские дневники»), имя Ивана Ивановича Манухина упоминается на многих страницах. Приведем две наиболее яркие характеристики данных З. Н. Гиппиус ее герою:

1918, января 9. Был Ив. Ив., этот удивительный, гениальный (...) человек. Он, быть может, и гениальный ученый, но гениальностей всякого рода, и художников, и писателей, и ученых, и философов, и политиков мы знаем достаточно, немало их видывали. С совершенством же в «чисточеловечестве» я сталкиваюсь в первый раз. Это человек — только человек настоящий, — которого от этой именно настоящести, подлинности и следует писать с большой буквы. У него ради полноты совершенства, должны присутствовать все недостатки человеческие.

Вторая характеристика И. И. Манухина относится к 1919 году [2]:

«И. И. — редкое соединение очень серьезного ученого, известного своими творческими работами в Европе — и деятельного человека жизни, отзывчивого и гуманного. Типичные черты русского интеллигента, — крайняя прямота, стойкость, непримиримость, — выразались у него не словесно, а именно действительно (...). Деятельная, творческая природа И. И. не позволяла ему глядеть на совершающееся, сложа руки. Он вечно бегал, вечно хлопотал, кому-то помогал, кого-то спасал. Он делал и крупные дела и мелкие, ни от чего не отказывался, лишь бы кому-нибудь, чем-нибудь помочь. При всей своей непримиримости и кипучей ненависти к большевикам, при очень ясном взгляде на них, он не впадал в уныние, он до конца, — до дня нашей разлуки, — таким и остался: жарко верующим в Россию, верующим в ее непременно и скорое освобождение. Зная все, что мы переносили, какие темные глубины мы проходили, — я знаю, какая нужна сила духа и сила жизни, чтобы устоять на ногах, — и остаться **человеком**» [3].

Здесь необходимо упомянуть и об общественной и гражданской активности И. И. Манухина. В период между февральской и Октябрьской революциями 1917 г. он сотрудничает с Чрезвычайной Следственной Комиссией Временного правительства России, с тем, чтобы помочь заключенным страшного своим режимом Трубецкого бастиона Петропавловской крепости. Помогает как врач и гражданин, поскольку делает это совершенно бескорыстно. При большевиках И. И. Манухин не сдаётся, не падает духом и не приспособливается. Входит во многие Комиссии, и когда голод и разруха в стране вынуждают идти на службу к большевикам, он служит не за «страх», а за «совесть». Он сотрудничает с Политическим Красным Крестом, продолжая

свою милосердную миссию по отношению к узникам Петропавловской крепости. Как ученый, он участвует в организации и учреждении «Свободной ассоциации для развития и распространения положительных знаний», собравшей лучших представителей российской науки.

Подобно судьбам многих тысяч других представителей русской интеллигенции, судьба И. И. Манухина раскололась Октябрьской революцией и гражданской войной на жизнь в России и жизнь вне ее — в эмиграции. Решение покинуть родину пришло не сразу и меньше всего Манухину хотелось быть втянутым в политику. Однако, захваченный мощным потоком социальных потрясений, он невольно стал участником многих драматических событий, прикоснулся к великим бедам страны. Как истинный русский интеллигент, И. И. Манухин искал дорогу «по совести» вместе со своим народом, опираясь на такие нравственные качества как гражданственность, справедливость, бескорыстие и принципиальность. Об этом свидетельствуют его собственные воспоминания, опубликованные в разных номерах «Нового журнала» (США) в 1960—70-е гг. [4, 5, 6]. Они дают возможность почувствовать духовную атмосферу жизни русского общества, «из первых уст» узнать о настроениях интеллигенции, активно противопоставившей себя разрушительным процессам революционных событий.

Знакомство с воспоминаниями И. И. Манухина и другой мемуарной литературой русской эмиграции вызвало большой интерес к личности ученого, его судьбе, научным работам. Однако, если мне удалось реконструировать биографию Манухина до эмиграции, то описание его жизни в изгнании оказалось делом более сложным. В эмиграции жизнь И. И. Манухина полна загадок и неясностей. Прежде всего резко изменилось отношение к нему таких близких людей как З. Н. Гиппиус. Кроме того, некоторые самые, казалось, бесспорные факты его биографии были искажены отдельными эмигрантскими изданиями до неузнаваемости, в том числе и его милосердная деятельность: спасение великого князя Гавриила Константиновича, лечение М. Горького и др. Такое впечатление, что кто-то сводил с ним счеты. В одной из своих последних публикаций-воспоминаний И. И. Манухин с горечью сетовал, что элементы недоброжелательности, непонимания, недоверия, холодного равнодушия, зависти и интриганства давно окружали его научную деятельность, со времени смерти его учителя — С. С. Боткина, и к сожалению эта ситуация длится всю его жизнь [6, с. 142].

Известная в России и эмиграции журналистка и общественная деятельница Е. Д. Кускова очень точно однажды охарак-

теризовала трагедию русской интеллигенции как «разномыслие одинаково честных людей», в основе которого лежит «подозрительность, отчуждение, глубокая отравленность боязнью ошибки» [7]. Можно только предполагать, насколько все это коснулось жизни и репутации И. И. Манухина в эмиграции.

Несмотря на незавершенность данного очерка о жизни И. И. Манухина в эмиграции, я решила ознакомить читателей с личностью этого неординарного человека, рассказать о его научной и общественной деятельности, его месте в трагической судьбе России в ее послеоктябрьский период 1917 г. Это кажется мне тем более важным, поскольку имя этого ученого, врача и общественного деятеля в Советской России было предано забвению.

Иван Иванович Манухин родился 19 января 1882 г. в г. Кашине Тверской губернии. Началом его профессиональной деятельности является 1906 г., в котором он окончил Императорскую Военно-медицинскую академию в Санкт-Петербурге с дипломом лекаря [8]. Ориентация на практическую работу не помешала ему еще в стенах академии заняться фундаментальными исследованиями в области иммунологии, привлекавшей в те годы новизной и высокой эффективностью в диагностике и лечении многих инфекционных болезней.

Увлечение иммунологией было во многом связано с личностью учителя — известного профессора Сергея Сергеевича Боткина, «заразившего» иммунологией многих своих учеников, среди которых Иван Манухин был, пожалуй, фигурой самой яркой и значительной.

Для иммунологии рассматриваемого периода характерным было разделение большинства исследователей на два больших лагеря, дискутирующих и конфликтующих между собой на конференциях и в печати. Сторонники «гуморального» направления (его возглавляли главным образом немецкие ученые), отстаивали ведущую роль в иммунитете антител (специфических белков крови) и других т. н. «гуморальных» факторов. Другое — «клеточное», или биологическое направление (во главе которого стоял И.И.Мечников), настаивало на вторичности гуморальных факторов и приоритете в иммунной защите белых клеток крови. Дальнейшее развитие событий показало, что полноценный иммунный ответ включает в себя оба механизма — и гуморальный и клеточный. Работы С. С. Боткина и И. И. Манухина послужили для иммунологии тем материалом, на базе которого впоследствии произошел синтез представлений о гуморальном и клеточном механизмах иммунной защиты.

Однако, ни С. С. Боткин, ни И. И. Манухин не осознавали

полного значения своих работ, иначе они не поставили бы себя в столь непримиримую оппозицию по отношению к клеточной (т. н. «фагоцитарной») теории И. И. Мечникова и не оказались бы по существу вне научного сообщества русских иммунологов, патологов, бактериологов, почти единогласно примкнувших к лагерю И. И. Мечникова.

По данным С. С. Боткина, при заражении организма вирулентными микроорганизмами, вслед за резким увеличением числа белых клеток в крови (т. е. лейкоцитозом) и повышением их поглощающей активности (фагоцитозом), обязательно следует их распад, который Боткин назвал лейкоцитоллизом. Только тогда, по его мнению, наступает кризис, ведущий к выздоровлению.

Такая картина принципиально меняла уже сложившееся представление об активности и целостности белых клеток в иммунной защите. Вместо фагоцитоза, обязательным условием которого, по И. И. Мечникову, является деятельность живых и целых (т. е. неразрушенных) лейкоцитарных клеток, необходим был их распад — лейкоцитоллиз, по С. С. Боткину. В 1892 г. на Терапевтическом конгрессе в Лейпциге С. С. Боткин пытался отстоять свою позицию, но к сожалению, не был услышан ни лидерами клеточного, ни гуморального направлений. Ввиду этого, он вскоре отошел от иммунологических исследований, хотя научная интуиция и подсказывала ему перспективность изучения биологического значения открытого им явления лейкоцитоллиза в иммунитете.

Иван Манухин писал о своем любимом учителе: «Разносторонние дарования, способность увлекаться обуславливали его положительные свойства, но они же мешали той его терпеливой сосредоточенности на одной какой-либо области или проблеме. Этим, я думаю, и объясняется незавершенность его интереснейших работ, начатых за границей и в молодые годы. Самостоятельных исследований он не вел, школы своей не создал, в борьбу за свои положения, столь противоположные по духу конформизма, которым были проникнуты все работы по иммунитету (засилие авторитета Мечникова и его школы), не вступал... Около него можно было свободно работать, он молодежи не мешал, но разбираться в недоумениях и сложностях надо было самому» [10].

Еще в студенческие годы И. И. Манухин начал собирать материал по морфологии, биохимии, физиологии белых клеток крови при разного типа инфекциях. Модифицировав ряд необходимых методик [11, 12], он подробно изучил в эксперименте и клинике явление лейкоцитоллиза и доказал, что оно «... пред-

ставляет собой столь же постоянное орудие самозащиты организма ... как и фагоцитоз» [13]. Без лейкоцитолита, благодаря которому в кровь поступает огромное количество специфических антител-лейкоцитолитинов, организм высших животных и человека не в состоянии справиться с высоковирулентными микроорганизмами (типа диплококков, стафилококков, гноеродной и тифозной палочек и др.), а также их токсинами. Без лейкоцитолита не эффективен и фагоцитоз, за исключением разве что случаев инфицирования организма невирулентными, ослабленными или убитыми микроорганизмами, а также при введении в организм нейтральных взвешенных частиц (типа туши).

Изучив в эксперименте и клинике лейкоцитолит, И. И. Манухин обосновал высокое прогностическое и диагностическое значение этого явления для клиники фибринозного воспаления легких. В 1910 г. в статье «О «лейкотерапии» при фибринозном воспалении легких» И. И. Манухин предложил новый метод лечения, т. н. «лейкоцитотерапию», состоявший в благоприятном воздействии на течение болезни подкожного впрыскивания вытяжек из лейкоцитов, взятых из крови самого больного [14]. Лечебный эффект такого метода, по И. И. Манухину, заключался в распаде лейкоцитов с последующим освобождением в кровь различных антител: лейкоцитолитинов, бактериолитинов, антитоксинов, а также протеолитических ферментов, помогающих растворению и рассасыванию воспалительного инфильтрата в легких.

Все эти данные Иван Иванович Манухин изложил в солидной по объему (809 страниц текста!) диссертации, изданной в 1911 г. отдельной книгой [15], и представленной Военно-медицинской академией к премии имени Ахматова. Рецензентом работы был академик И. П. Павлов [16]. Диссертация имела лаконичное название — «О лейкоцитолите».

Глубокие переживания И. И. Манухина и его коллег вызвала скоропостижная смерть С. С. Боткина в 1910 г. В память своего учителя (в № 11 «Русского врача» за 1910 г.) рядом с некрологом его ученики, среди которых кроме И. И. Манухина были К. Ф. Юргенсон, С. Г. Минц, Б. В. Зверев, С. Б. Львов и др., опубликовали свои статьи по исследованиям, начатым по его инициативе [17].

По воспоминаниям И. И. Манухина, с уходом Боткина он потерял не только единомышленника, старшего друга, учителя, «... но и возможность пользоваться живительным воздухом научной свободы, в котором так успешно развиваются способности в молодые годы» [18]. С появлением на кафедре терапии давнего противника С. С. Боткина — профессора Н. Я. Чистовича, ра-

бота И. И. Манухина над диссертацией натолкнулась на непредвиденные трудности, главной из которых была личная неприязнь к Н. Я. Чистовичу как к ученому: «Он был сторонником фагоцитоза, признавал Мечникова бесспорно и написал в этом направлении много работ. Оригинальных исканий у него не было, он всегда подтверждал только признаваемое» [19].

Характеристика Чистовича была субъективной и в ней отразилось неприятие Манухиным научного конформизма Н. Я. Чистовича, а конформизмом, по Манухину, был «пропитан» весь русскоязычный лагерь И. И. Мечникова в иммунологии.

От неприязни к оппонентам И. И. Манухин «излечится» только после встречи с И. И. Мечниковым в Париже.

А тогда, зимой 1910 г., Иван Манухин принимает решение окончательно уйти из стен опустевшей и осиротевшей для него боткинской кафедры.

И. И. Манухин быстро завершает свои диссертационные дела и вскоре уезжает с женой Татьяной в Париж на два с половиной года.

Командировки молодых врачей из России в страны Западной Европы в начале XX в. обычно имели целью или приобретение навыков исследовательской и преподавательской деятельности или подготовку к профессорскому званию. Для молодого русского врача, приехавшего на стажировку во Францию, а тем более — исследователя, увлеченного проблемами иммунологии, знакомство с Парижем непременно начиналось с посещения знаменитого Института Пастера и лаборатории И. И. Мечникова, в те годы — заместителя директора Института. И. И. Манухин не был исключением из этого правила. Повышенная эмоциональность и научная убежденность помешали Манухину выдержать первую встречу с выдающимся ученым в «дипломатических» тонах — он практически «с порога» заявил И. И. Мечникову о своем несогласии с его фагоцитарной теорией иммунитета. В первом же разговоре он увлек И. И. Мечникова собственными результатами и тот, отметивший невероятный напор молодого ученого, предложил разумный компромисс — повторить эксперименты по лейкоцитолизу в своей лаборатории.

«Три раза,— вспоминал И. И. Манухин,— Мечников требовал от меня повторения опытов, доказывающих наличие фермента, разрушающего лейкоциты ... и только тогда убедился, что результаты неуклонно повторяются» [20].

Манухин был поражен, что И. И. Мечникова не только не смущало то, что из его лаборатории выходили работы его научного противника, напротив, подписывая собственноручно про-

токолы экспериментов Манухина, Илья Ильич тут же передавал их для публикации во французский журнал («Comptes rendus de la Societe de Biologie») [21]. «Его удивительный объективизм,— вспоминал И. И. Манухин,— исключал всякое самолюбие. Только так и можно служить научной истине. Наши «объективные» взаимоотношения длились все время — два с половиной года, когда я работал в Пастеровском институте» [22].

Параллельно И. И. Манухин сотрудничает с Парижским университетом. С профессором Анри Вакезом из этого университета был связан важный и плодотворный период деятельности Манухина как радиобиолога. Именно в лаборатории Вакеза у И. И. Манухина впервые возникла идея возможности экспериментального усиления иммунной функции селезенки слабыми дозами рентгеновских лучей.

Первоначально И. И. Манухин проверил эффект рентгеновского облучения (проводя при этом контроль иммунологических реакций в крови) на себе самом и коллеге из России, некоем Г. А. Кролуницком из лаборатории профессора Роже. Только затем изложил свои планы Илье Ильичу Мечникову. Тот заинтересовался настолько, что добился приобретения Институтом Пастера собственного дорогостоящего рентгеновского аппарата, с тем, чтобы И. И. Манухин мог проводить эксперименты прямо у него в лаборатории. В качестве испытуемых И. И. Мечников предложил взять животных, зараженных туберкулезом. Вместе они решили проверить, прав ли И. Манухин, утверждавший, что экспозиция животных слабыми дозами рентгеновских лучей в области селезенки приведет к ускорению процесса выздоровления, по сравнению с контрольной — зараженной туберкулезом, но не облученной, группой. Облучение же печени, по Манухину, должно было вызвать противоположный эффект, т. к. этот орган (по его мнению) в иммунном отношении функционирует как антагонист селезенки.

Эксперименты подтвердили правоту Манухина: контрольные животные погибли с обширными поражениями туберкулезом всех органов, тогда как у облученной группы поражения были незначительными [23].

Что касается И. И. Мечникова, то он был удовлетворен результатами радиобиологического эксперимента и, прощаясь с И. И. Манухиным в декабре 1913, когда тот решил возвратиться в Россию, пообещал найти теорию, «примиряющую» лейкоцитоз с фагоцитозом. К сожалению, смерть И. И. Мечникова в 1916 г. оборвала этот интересный диалог.

Я остановила свое внимание на отношениях И. И. Мечнико-

ва и И. И. Манухина, поскольку они приоткрывают не известные в истории науки страницы биографии великого ученого, каким был Мечников. После получения Нобелевской премии в 1908 г. он практически полностью отошел от иммунологии и инфекционной патологии и с головой погрузился в иные биологические и медицинские проблемы: старение, рак, долгожительство. Моральная и материальная поддержка иммунологических и радиобиологических исследований И. И. Манухина еще раз убедительно показали широту интересов Ильи Ильича, его доброту и любознательность, не говоря уже об объективности оценки мнения оппонента, о которой речь шла выше.

Сотрудничество с молодым И. И. Манухиным давало возможность, в случае болезни, консультироваться у него, как у талантливейшего терапевта. Был случай, когда у постели заболевшего И. И. Мечникова, судьба вновь свела И. И. Манухина с его главным противником по Военно-медицинской академии — профессором Н. Я. Чистовичем, приехавшим в Париж. В заметке И. И. Мечникова «Выдержки из дневника самонаблюдений» за 1913 год, читаем: «В начале нынешнего лета меня исследовали доктор Манухин и профессор Н. Я. Чистович. Оба нашли сердечные тона удовлетворительными, но Манухин смутился, найдя у меня первый тон аорты очень слабым, а второй тон усиленным» [24].

Из-за болезни жены — Татьяны Ивановны Манухиной (легочный туберкулез), Манухины приняли решение не возвращаться в Россию, а переждать зиму на юге Италии. Неожиданно эта поездка стала поворотным пунктом в биографии самого Манухина. Дело в том, что И. И. Мечников, узнав накануне от друзей о тяжелых страданиях Максима Горького на Капри (туберкулез), посоветовал Манухину попробовать лечить писателя слабыми рентгеновскими дозами и, тем самым, благословил ученого на очень ответственный шаг — перенесение экспериментального метода из вивария в клинику, на человека.

Т. И. Манухина так описывала свою первую встречу с писателем на Капри на вилле «Серафино»: «Горький, измученный болезнью и душевным надрывом, злой от тоски, или тоскующий от озлобленности, капризный, невежливый, даже грубый по отношению к своим домашним, одинокий среди окружения,— казался очень несчастным» [25].

Быстрота и эффективность радиобиологического метода в клинике легочного туберкулеза удивили многих, в том числе и самого врача: уже через три недели после начала облучения у М. Горького и жены — Татьяны Манухиной исчезли многие тревожные явления болезни, снизилась температура, вернулся

*И. И. Манухин и А. М. Горький в Мустамяки.
1914 г.*

нормальный вес. М. Горького охватило желание немедленно ехать в Россию. «Вся интеллигенция Неаполя знала о новом лечении знаменитого больного и с глубоким интересом следила за изменением его здоровья... Конец октября перед нашим возвращением в Париж были днями всеобщей радости и ликования» [26] — писал И. И. Манухин. Подробности лечения М. Горького И. И. Манухин описал в своем специальном докладе, опубликованном весной 1914 г. в «Русском слове».

Лечение писателя на два с лишним месяца соединило под одним кровом две семьи: М. Горького и И. И. Манухина. Они жили вместе на Капри, в Неаполе, Сорренто. Их теплые и доверительные взаимоотношения впоследствии переросли в большую дружбу, сыгравшую определенную роль в судьбе И. И. Манухина и близких ему людей. Некоторые врачи в России считали метод Манухина шарлатанским и М. Горькому даже приходилось печатно выступать в защиту репутации врача и его метода. Разлучил их 1921 год, когда семья Манухиных, поддержанная Горьким эмигрировала во Францию. Однако к этому времени отношение Манухина к Горькому существенно изменилось.

Следует отметить, что И. И. Манухин с большим оптимизмом встретил февральскую революцию, как и многие здравомыслящие люди в России. З. Н. Гиппиус выразила это чувство такими словами: «первые дни светлой, как влюбленность, февральской революции» [27].

В воспоминаниях И. И. Манухина нет ни слова о том, что он состоял членом социал-демократической или большевистской партий, хотя не скрывал своих «левых» убеждений. Я специально останавливаюсь на этом, поскольку намеки на членство И. И. Манухина в партии большевиков встречаются в эмигрантской литературе довольно часто. Так, если в своих «Дневниках» за 1919 г., З. Н. Гиппиус убедительно писала о манухинской «... непримиримости и кипучей ненависти к большевикам» [28], то позже в книге «Дмитрий Мережковский», написанной в 1941—42 гг., она пишет об Иване Ивановиче: «...он был давнишний друг Горького и, в далекой юности (о, не теперь!), «ходил в большевиках», по его выражению» [29]. В другой книге, принадлежащей Нине Берберовой — «Люди и ложи. Русские мasons XX столетия», со ссылкой на З. Н. Гиппиус, как один из источников информации, дана следующая краткая биография: «Манухин Иван Иванович. Доктор медицины. В начале XX века член фракции большевиков. Популярный врач в Петербурге, лечил литераторов, от Мережковского до Горького. У него в квартире скрывался Ленин в 1917 г.» [30].

Такая смена характеристик в отношении к своему близкому ранее другу — еще одна загадка в биографии И. И. Манухина. Однако, это скорее загадка взаимоотношений двух людей — Гиппиус и Манухина.

Ссылка же на якобы имевшее место укрывательство Ленина — не более чем передергивание другого факта: на самом деле в дни июльского восстания 1917 г. имело место укрывательство в квартире И. И. Манухина социал-демократа А. В. Луначарского. Накануне этого события, судя по воспоминаниям И. И. Манухина, Луначарский помог ему освободить одного из заключенных Петропавловской крепости. Вот почему, когда Иван Иванович увидел на пороге своей квартиры бледного и измученного А. В. Луначарского, он не смог ему отказать и разрешил остаться на ночь, хотя прекрасно понимал, чем мог обернуться для него и его семьи ночлег этого человека в случае обыска. Однако, когда спустя несколько дней в квартиру Манухина зашла Е. Д. Стасова (секретарь РСДРП) с просьбой укрыть Ленина, И. И. Манухин решительно ей отказал. Он аргументировал свой отказ тем, что «...одно дело помочь человеку, попавшему в беду, другое — помочь главе политической партии, ставившему задачей устранить демократическое правительство и в то же время желавшему моей квартирой обеспечить себе безопасность» [31].

Нет причин не верить И. И. Манухину. Тем более, что и З. Н. Гиппиус, жившая вместе с Д. С. Мережковским в одном доме с Манухиным, упоминает в своих дневниках лишь эпизод с А. В. Луначарским. О Ленине в них ни слова. Позже, в эмиграции, И. И. Манухин с горечью отметит: «Так эпизод с Луначарским превратился в сплетню о скрывавшемся у меня Ленине» [32].

Важным проектом, захватившим И. И. Манухина (как «племенная мечта») после февральской революции, стало создание «Свободной ассоциации для развития и распространения положительных знаний». Ее первое заседание состоялось в Петрограде 27 марта 1917 г. На нем присутствовало около ста профессоров и ученых самых разных специальностей. На втором заседании был образован организационный комитет, в который вошли: В. А. Стеклов (председатель), И. И. Манухин (секретарь), В. И. Вернадский, Д. К. Заболотный, Н. А. Морозов, Г. А. Надсон, Н. Е. Введенский, Л. А. Чугаев, И. П. Павлов, М. Горький, В. И. Палладин и др. [33]. Согласно уставу, целью Ассоциации было «развитие и усовершенствование точных наук и популяризация положительных знаний в широких народных массах». В одну из задач Ассоциации входила также «поддерж-

ка молодых научных и творческих сил России на пути служения чистому и прикладному знанию» [34].

По воспоминаниям самого И. И. Манухина «душой» Свободной ассоциации для развития и распространения положительных знаний», ее вдохновителем и организатором был Максим Горький. Его речь «Наука и демократия», прочитанная 9 апреля в Михайловском театре Петрограда, имела огромный успех. Иван Иванович Манухин посвятил свое выступление «идее чистой науки — науки ради науки, этой бескорыстной, благородной страсти, влекущей разум к познанию» [35]. В Москве тор-

Эх, тройка! — И. И. Манухин, Ф. И. Шляпин, А. М. Горький

жественное заседание оргкомитета «Свободной Ассоциации» состоялось 11 мая 1917 г. в Большом театре.

Тогда же, весной 1917 г., Иван Иванович Манухин дал согласие на предложение Чрезвычайной Следственной Комиссии Временного правительства работать врачом Трубецкого бастиона Петропавловской крепости, где после февральских дней в заключении находились бывшие члены царского правительства. Состав Следственной Комиссии в глазах И. И. Манухина был гарантом того, что следствие по делу о заключенных Трубецкого бастиона будет вестись объективно. Одним из условий работы в качестве тюремного врача Трубецкого бастиона, которое сразу же выдвинул И. И. Манухин, был ее благотворительный (бесплатный) характер.

Посещая своих пациентов в Петропавловской крепости, И. И. Манухин убедился, что для сохранения их жизни и здоровья, необходимо прежде всего улучшить условия содержания и питания заключенных. Так, бывшего директора Департамента царской полиции С. П. Белецкого, десять дней держали в карцере на хлебе и воде, в абсолютной темноте и в такой тесноте, что во весь рост он не мог ни лечь, ни встать. Узнав об этом издевательстве, И. И. Манухин пошел на открытый конфликт с Чрезвычайной Следственной Комиссией, заявив категорически, что если Белецкого тут же не выпустят из карцера, он сложит свои полномочия.

И. И. Манухин вспоминал об эпизоде с Белецким: «Он вышел после десятидневного заключения измученный, бледный, весь опухший, с красными воспаленными глазами и, когда свет ударил ему в лицо, из глаз его слезы хлынули ручьями». И далее он продолжал: «Что делает с человеческим организмом тюрьма! И не просто тюрьма, а при данных условиях и неотступный страх насилия, жестокой расправы, неминуемой гибели — мучительное сознание своей обреченности. На моих глазах все пациенты мои слабели, старели, разрушались, чахли; некоторые нервничали, страдали бессонницей, падали духом ... никто из заключенных монархистов от своего прошлого, от своих убеждений не отрекался ... но за себя все волновались, отдавая себе отчет, что они во власти солдатчины» [36].

И. И. Манухину удалось не только улучшить рацион питания и общие условия заключения, но реально взвесив агрессивную настроенность солдат гарнизона крепости, постоянно угрожавших «всех перебить», он постарался вывести большую часть заключенных Трубецкого бастиона из крепости в арестные дома и лечебницы. Когда не помогал авторитет Чрезвычайной Комиссии, поддержка Петроградского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов, он обращался к кому-нибудь из «видных» большевиков, чаще — к А. Луначарскому. К октябрю 1917 г. все т. н. «старорежимники» под тем или иным предлогом были вывезены из Петропавловской крепости.

Однако, «тюремно-врачебная деятельность И. И. Манухина (или «крепостная», как ее называла З. Н. Гиппиус) не окончилась в октябре 1917 г. После Октябрьского переворота многие из тех, кто сажал свои жертвы в Петропавловскую крепость, сами оказались в ней. Парадокс заключался в том, что врач И. И. Манухин дважды лицом к лицу столкнулся с ситуацией «жертва-палач-жертва». На этот раз большевики стали уговаривать И. И. Манухина согласиться работать в должности врача Трубецкого бастиона. После Октября здесь сидели уже не монар-

хисты, а члены Временного правительства, члены царской фамилии, а также «саботажники» из разных ведомств, по тем или иным причинам «мешавшие» новой власти. И. И. Манухин категорически отказывался от должности, но его удалось уговорить через Политический Красный Крест, еще при царизме полуполюгально опекавший всех политических ссыльных в России (отсюда его второе название — «Общество помощи политическим ссыльным и заключенным»), посещать заключенных бастиона с целью оказания им медицинской помощи.

Своих подопечных, под предлогом слабого здоровья, И. И. Манухин переводил и перевозил в частные лечебницы и тюремные больницы (чаще всего в «Кресты»), где не было такого сурового режима и откуда легче было выйти на свободу. Некоторым заключенным (А. А. Вырубовой, Е. В. Сухомлиновой и др.) удалось бежать за границу. Таким образом были спасены многие жизни заключенных Петропавловской крепости. Только самим И. И. Манухиным было дано свыше двадцати поручительств, необходимых для их освобождения.

Известно, что благодаря И. И. Манухину, уговорившему М. Горького ходатайствовать перед Лениным, удалось освободить от заключения, а затем и переправить через границу президента Академии художеств России великого князя Гавриила Константиновича Романова и жену великого князя Михаила Александровича Романова — Наталью Сергеевну Брасову. В условиях начавшегося в стране террора это была трудная задача; многие обстоятельства того события до сих пор остаются не ясными. Как известно, другие великие князья: Сергей Михайлович, Иоанн Константинович, Константин Константинович, Игорь Константинович, великая княгиня Елизавета Федоровна и князь Владимир Полей были убиты в шахте в ночь с 17— на 18 июля (по новому стилю) 1918 г. в 12-ти верстах от Алапаевска по Верхнетурскому тракту. В мае 1918 г. в Перми был убит великий князь Михаил Александрович.

Некоторые эмигрантские издания пытались подвергнуть сомнению роль И. И. Манухина в спасении Гавриила Константиновича [37]. Однако, в достоверности его активной роли в спасении Г. К. Романова и Н. С. Брасовой убеждают воспоминания непосредственной участницы этих событий Антонины (Анастасии) Рафаиловны Романовой — жены великого князя, бывшей балерины (в девичестве — Нестеровской). По словам княгини, И. И. Манухин «через Чека добился пропуск на ежедневные свидания с Романовыми ... без комиссара, в любой час» [38]. И далее А. Р. Романова писала: «Я была счастлива, что мой муж будет ежедневно видеть своего доктора, а я через него

могу передать слова утешения и бодрости; (...) поехала посоветоваться с нашим милым доктором Манухиным. Он предложил мне начать хлопоты у Горького, так как последний знаком со всеми видными большевиками и пользуется у них большой популярностью. Доктор Манухин был любезен, и, не откладывая, сейчас же поехал к Горькому, меня же просил не волноваться и ждать от него известий. В тот же вечер Манухин позвонил мне по телефону и сказал, что Горький обещал свое полное содействие. Доктор Манухин лечил Горького от туберкулеза, и только благодаря принятым Манухиным своевременным мерам, жизнь Горького была спасена. Зная, как мучителен туберкулез, Горький заинтересовался ходом болезни моего мужа и сейчас же дал Манухину письмо к Ленину, которое кто-нибудь из нас должен был доставить в Москву сыну Горького, а тот должен был лично вручить его самому Ленину» [39].

По-видимому, некоторые известные русские эмигранты так и не смогли простить И. И. Манухину его сотрудничество с М. Горьким в деле спасения великого князя. Их раздражала его объективность. Так, в 1934 г. в «Письме в редакцию» ежедневной русской эмигрантской газеты «Последние новости», издаваемой в Париже, И. И. Манухин писал: «Как бы отрицательно ни относиться к последующей коммунистической деятельности М. Горького, надо признать освобождение князя Гавриила Константиновича его «добрым делом» (...). Таково заключение, которого требуют справедливость и историческая правда» [40].

О гражданской и человеческой порядочности И. И. Манухина говорят многие факты его биографии. Так например, в 1919 г. М. Горький, исходя из важности научной работы Манухина (по изучению возбудителя испанки), предложил ученому «освоить» пустующие помещения Павловского Дворца, разместив в них лаборатории и поликлинику. Манухин ответил категорическим отказом, прекрасно понимая, что в случае согласия Дворец будет изуродован «вандалически» [5, с. 195].

В «Дневниках» З. Н. Гиппиус приводится несколько ярких эпизодов, подтверждающих высокую нравственность ее друга, «с великим страданием, со стиснутыми зубами», несущего по жизни «чугунный крест» российского интеллигента. Когда зимой 1919 г. в голодном и разрушенном Петрограде зверей Зоологического сада стали кормить трупами расстрелянных заключенных Петропавловской крепости, И. И. Манухин встретился с неким доктором Х. Этот человек, считавший себя врачом, поведал о том, что в его лаборатории пептон, на котором выращиваются культуры некоторых бацилл, стали изготавли-

вать, «пропуская через мясорубку сердца и печени человеческих трупов, имевшихся в избытке». Зинаида Николаевна вспоминала: «Доктор этот очень изумился, когда И. И. внезапно завопил, что не переносит такого глумления над человеческим телом и убежал, схватив фуражку» [41].

Чтобы спасти квартиры своего дома от разграбления, а жильцов его — от унижений в случае облав и обысков, которые были не редкостью в 1918—19 гг., И. И. Манухин вошел в состав т. н. «домового комитета». Гиппиус писала: «Противная, утомляющая работа, обходы неисполнимых декретов, извороты, чтобы отдалить ограбления, разговоры с тупыми посланцами из полиции... А вечные обыски! Как сейчас вижу длинную худую фигуру И. И. без воротника, в стареньком пальто, в 4 часа ночи среди подозрительных, подслеповатых людей с винтовками и кучи баб — новых сыщиков и сыщиц. Это И. И. в качестве уполномоченного от «Комитета» сопровождает обыски уже в двадцатую квартиру» [42].

Состав пациентов И. И. Манухина после революции существенно изменился: многие уехали из страны или сидели в тюрьмах. Теперь он все больше лечил советских служащих, рабочих, мелких ремесленников. Голодный паек, который он получал от государства, был так скуден, что приходилось подрабатывать еще в нескольких местах. Так в Доме литераторов на Бассейной улице, где он согласился вести прием, ему разрешалось скудно и невкусно есть (мороженая картошка и морковный чай были роскошью в те голодные годы), а добавкой вечером кормить жену. «Дома у И. И. полный развал. Они с женой вдвоем, без прислуги, в громадной ледяной квартире с жестяной лампочкой... Кашлющая, близорукая, слабая жена И. И. моет посуду во тьме, в гигантской, нетопленной кухне. Но она физически не может ничего делать, как и я. Сам И. И. целый день таскает на плечах на 5 этаж дрова свои (запас еще с лета остался, надо все перетаскать, ведь каждое полено — как золотой)» [43]. Эта запись сделана карандашом З. Н. Гиппиус в «Сером блокноте» в конце 1919 г., накануне ее эмиграции.

Вскоре квартира Манухиных попала под «уплотнение» и новым жильцам выдали ордер на манухинский кабинет, где размещался рентгеновский аппарат. И. И. Манухин бросился в Комиссию по вселению: «Что? Кабинет? Какой кабинет? Какой ученый? Что-то не слышали. Книги пишете? А в «Правде» не пишете? Верно с буржуями возитесь. Нечего, нечего! Вот мы вам пришлем товарищей исследовать, какой такой рентген, какой такой ученый!» [44].

Борьба за выживание, физическое и духовное, была тягостной и однообразной. И. И. Манухин пробует вернуться в науку. Д. К. Заболотный, руководивший в те годы Эпидемиологическим отделом Института экспериментальной медицины, охотно отозвался на просьбу Манухина и предоставил ему место в своем отделе. Темой исследований И. И. Манухина стал возбудитель «испанки», от которой в сентябре 1918 г. чуть не погибла его жена. О ее выздоровлении он впервые в жизни молил Богоматерь (хотя был убежденным атеистом), и поэтому, когда жена преодолела кризис и выздоровела, И. И. Манухин решил посвятить свои исследования изучению этого страшного инфекционного заболевания. Ввиду разрухи (транспорт в Петрограде практически не работал), Манухину часто приходилось добираться пешком в дальнюю даль Каменноостровского проспекта, где находился институт. «Иногда я оставался ночевать в лаборатории и спал на лабораторном столе» [45],— вспоминал Манухин. Перегружая себя работой, он пытался отключиться от ужасов окружающей его действительности.

В «Дневниках» З. Н. Гиппиус характеризует это время (сентябрь 1919) как «Ощущение тьмы и ямы. Тихого умопомешательства» [46].

«Надвигалась буря. Лед гудел и трещал. Действительно скоро он сломался на куски, разъединяя прежде близких, и люди понеслись,— куда? — на отдельных льдинах. Мы очутились на одной и той же льдине с И. И.— Когда по месяцам нельзя было физически встретиться, даже перекликнуться с давними, милыми друзьями, ибо нельзя было преодолеть черных пространств страшного города,— каким счастьем и помощью был стук в дверь и шаги человека, то же самое понимающего, так же чувствующего, о том же ревнующего, тем же страдающего, чем страдали мы!» [47].

Так жили накануне своей эмиграции семья Мережковских и Манухиных в доме на Сергиевской, у Таврического дворца. Невероятные бедствия и лишения, в которые революция ввергла страну, неизбежно подводили к исходу — эмиграции на запад. Однако к этому времени границы России были уже плотно закрыты. З. Н. Гиппиус, Д. С. Мережковский, и их ближайшие друзья Д. В. Философов и В. А. Злобин (секретарь Д. Мережковского), тайно бежали из Петрограда ночью 24 декабря 1919 г. После кратковременной остановки в Польше они переезжают во Францию, в Париж.

И. И. Манухин также принимает решение уехать из России, не надолго, пока не изменится ситуация. Реально помочь уехать из страны по официальным каналам мог только М. Горький.

Однако, отношения с ним из-за моральных и идеологических разногласий стали напряженными. Об этом периоде взаимоотношений с М. Горьким И. И. Манухин писал: «...он был тогда в «фаворе» в Москве, вступив на путь сотрудничества с властью по тактическим соображениям, упорно не соглашаясь признать, что его «тактика» ничего в ходе политических событий не изменит. Этой «тактики» мы не признавали и были вынуждены пережить немало лишений и прикоснуться к великим бедам и скорбям наших родных и знакомых.» [48]. Тем не менее (и как бы противореча себе), оставаясь человеком благодарным, И. И. Манухин не раз подчеркивал, что если они с женой и пережили то страшное время, то только благодаря М. Горькому.

Весной 1920 г. во время очередного сеанса рентгеновского облучения, которым И. И. Манухин купировал приступ обострения туберкулеза у М. Горького, жена И. И. Манухина обратилась к писателю с просьбой помочь уехать ей и ее мужу за границу. «Горький молча выслушал, подумал и сказал решительно: «Я вам обещаю, вы уедете» [49],— вспоминал Иван Иванович. М. Горькому удалось включить И. И. Манухина в группу ученых, командируемых Советами в Европу для ознакомления с ее научными достижениями. В нее вошли также академики Марр и Щербицкий, ректор Петроградского университета Браун, профессор Зелинский и др.

О жизни И. И. Манухина в эмиграции имеются скудные и противоречивые сведения. Так, у Н. Берберовой, в ее «Железной женщине» есть данные о том, что в 1930-х годах Манухин «продолжал давать свои сеансы лучей..., но французские врачи не дали ему возможности развить свое искусство, практику ему запретили. Он был известен в Париже как частый посетитель собора на улице Дарю» [50]. На этой улице, как известно, расположен кафедральный русский православный храм Александра Невского. Как бы опровергая данные Н. Берберовой о безработном И. И. Манухине, справочник «Русские во Франции», изданный в 1937 г. в Париже, называет имя И. И. Манухина в списке врачей, являющихся членами Общества русских врачей им. И. И. Мечникова в Париже, указывает его специальность как частно-практикующего врача — «внутренние болезни и туберкулез» и называет его парижский адрес [51].

В одном из писем К. А. Федину (от 29 марта 1932 г.) М. Горький писал: «Манухина я потерял из вида. Знаю, что он все еще в Париже, но в Институте Пастера не работает, некоторое время путался среди эмигрантов, уверовал в Христа и «православие», был членом какой-то церковной организации, затем будто бы откачнулся от всего этого, и теперь о нем ничего не

слышно. Его метод лечения туберкулеза освещением селезенки рентгеном, видимо не привился, хотя в Сан-Блазиене Бакмейстер освещал мне рентгеном, но не селезенку, а легкие; Манухина жаль, человек — талантливый, и лечение его давало отличные результаты. Если б не он, я уже 19 лет имел бы чин покойника, а благодаря ему состою в живых» [52].

Что касается научной деятельности, то мне удалось обнаружить несколько публикаций И. И. Манухина, опубликованных с 1924 по 1948 г., главным образом во французских журналах. Как правило, они не содержат новых экспериментальных или клинических данных, а посвящены анализу и дискуссиям по некоторым весьма спорным вопросам иммунологии и радиобиологии [53].

Как уже было сказано выше, И. И. Манухин был масон и его имя названо в книге Н. Берберовой «Люди и ложи. Русские масоны XX века» [54]. Был ли Манухин членом масонских лож в России (как известно в 1918 г. в России масонство было запрещено) или примкнул к сообществу «великих каменщиков» в Париже, сказать трудно. По-видимому, моральные принципы и взаимное доверие масонов играли важную роль в жизни «русского Парижа». В книге «Курсив мой. Автобиография» Н. Берберова пишет: «В Париже, в годы эмиграции, масонство было очень сильно распространено, «левые», или иначе — умеренные, собирались по четвергам в Гранд Ориан, «правые» собирались по вторникам в Гранд Лож. (Следующие лица **никогда не принадлежали масонству**: Ходасевич, Мережковский, Бунин, Ремизов, Зайцев, Муратов). Член Гранд Ориан мог свободно бывать в Гранд Лож, и наоборот. Во время немецкой оккупации многие масоны были депортированы в лагерь и погибли» [55].

В эмигрантской литературе 30—40-х гг., связанной с творчеством З. Н. Гиппиус, часто встречается имя Татьяны Ивановны Манухиной (1885—1962). Ее литературный псевдоним Т. Таманин. Под ним Т. И. Манухина печатала во Франции свои новеллы и статьи («Друг человечества», 1938; «Замятин Е. И.», 1939; «Монахиня Мария», 1955; «Светлой памяти митрополита Евлогия», 1960 и др.). Ее роман «Отечество», вышедший в 1933 г., вызвал дискуссию, в которой приняли участие многие известные литераторы «русского Парижа», включая В. М. Ходасевича, З. Н. Гиппиус (под псевдонимом Антон Крайний), П. Милюкова и др. Есть предположение, что рецензия З. Н. Гиппиус на этот роман, в целом доброжелательная, но затрагивающая имя И. И. Манухина, положила начало официальной размовке Гиппиус и Манухина [56].

Все вышеприведенные данные никак не согласуются с офи-

циальной датой смерти Ивана Ивановича Манухина, указанной в некоторых изданиях: 1930 год, Париж [57]. Для меня эта дата — одна из последних загадок в биографии И. И. Манухина. Поскольку не существует ни одного некролога, утверждать что-либо по поводу даты смерти ученого трудно. Редакция американского русского эмигрантского «Нового журнала», опубликовавшего трилогию воспоминаний И.И. Манухина в 1958—1967 г., ограничила сведения об авторе сноской о том, что текст прислан в редакцию душеприказчиком И. И. Манухина, неким О. И. Кошко [58].

Литература

1. Гиппиус З. Н. Стихи. Дневник 1911—1921 гг. Берлин: Слово, 1922. С. 129.
2. Гиппиус З. Н. Петербургские дневники (1917—1918 гг.) // *Зинаида Гиппиус. Живые лица. Воспоминания.* Тбилиси: Мерани, 1991. С. 352—376.
3. Гиппиус З. Н. Дневники (1919 г.) // *Русская мысль.* 1921. Кн. I и II С. 139—190. София: Российско-Болгарское книгоиздательство. С. 151.
4. Манухин И. И. Воспоминания о 1917—18 гг. // *Новый журнал,* 1958. Кн. 54. С. 97—116.
5. Манухин И. И. Революция // *Новый журнал.* 1963. Кн. 73. С. 184—196.
6. Манухин И. И. С. Боткин, И. Мечников, М. Горький // *Новый журнал.* 1967. Кн. 86. С. 139—158.
7. Кускова Е. Л. А. Тарасевич (13 июня 1927 г). Некролог // *Современные записки.* Париж. 1927. Т. 37. С. 407—412.
8. Российский медицинский список на 1909 г. Петербург. 1909.
9. *Botkin S. S. Hämatologoshe untersuchungen bei Tuberkulin-injektionen // Deutsche med. Wochenschrift,* 1892, №15.
10. См. [6]. С. 142.
11. Манухин И. И. О влиянии различных способов получения несвертывающейся крови на количество белых кровяных телец // *Русский врач,* 1908. №42. С. 1392—1395; №43. С. 1426—1428; №44. С. 1464—1465; №45. С. 1497—1499; №46. С. 1535—1537.
12. Манухин И. И. К вопросу о распаде белых кровяных телец в крови при подсчете их по способу Thomas // *Русский врач,* 1912, №5. С. 150—152.
13. Манухин И. И. О лейкоцитозе (Предварительное сообщение) // *Русский врач,* 1910, № 11. С. 376—377.
14. Манухин И. И. О «лейкоцитотерапии» при фибринозном воспалении легких // *Русский врач,* 1910. Т. 9. № 26. С. 897—900.
15. Манухин И. И. О лейкоцитозе. Диссертация на степень доктора медицины. СПб.: Тип.: А.С.Суворина. 1911. 809 с.
16. Павлов И. П. Отзыв о сочинении И. И. Манухина «О лейкоцитозе ...» СПб.: Тип. Академии наук, 1916. 25 с.
17. Некролог. Сергей Сергеевич Боткин // *Русский врач,* 1910, №11. С. 361—364.
18. См. [6]. С. 142.
19. См. [6]. С. 143.
20. См. [6]. С. 144.
21. *Manoukine I. I. Sur l'origine des leucocytolysines et des antileucocytolysines // comptes rendus de la Soc. de Biologie,* 1912. Т. 73. P. 686.

22. См. [5]. С. 144.
23. *Manoukine I. I.*, N. Fiessinger et G. A. Krolunitsky // *Revue de Médecine*, 1912. 10 Juillet. №7. P. 505.
24. Мечников И. И. Выдержки из дневника с записями самонаблюдений // Акад. собр. сочинений И. И. Мечникова в 16-ти тт. Т. 14. М.: Медгиз. С. 303.
25. *Таманин (Манухина)*. Друг человечества (М. Горький) // Русские записки. Париж. Ноябрь. Т. XI. С. 120.
26. См. [6]. С. 153.
27. См. [3]. С. 146.
28. См. [3]. С. 153.
29. *Гиппиус-Мережковская З. Н.* Дмитрий Мережковский. Париж: ИМКА-Пресс. 1951. С. 227.
30. *Берберова Н.* Люди и ложи. Русские масоны XX столетия. Биографический словарь // Вопросы литературы, 1990. №4. С. 202.
31. См. [4]. С. 97.
32. См. [5]. С. 188.
33. Свободная ассоциация для развития и распространения положительных знаний. Речи и приветствия, произнесенные на трех публичных собраниях... Пг., 1918.
34. Хроника // *Природа*, 1917, Апрель. С. 541.; См. также: *Природа*, 1917, Май—Июнь, С. 721.
35. См. [5]. С. 186.
36. См. [4]. С. 99—100.
37. По поводу письма-опровержения И. И. Манухина в газете «Последние новости» // *Иллюстрированная Россия*, 1934. №44. С. 14.
38. *Княгиня Антонина*. Как был спасен князь Гавриил Константинович (Воспоминания) // *Иллюстрированная Россия*, 1934. №35. С. 10—12; №36. С. 6—7; №37. С. 14—15; №38. С. 6—7; №39. С. 14—15.
39. Там же, №39. С. 14—15.
40. *Манухин И. И.* Письмо в редакцию // *Последние новости*, 1934. №4952, 14 октября. С. 5.
41. См. [3]. С. 182.
42. Там же, С. 155.
43. Там же. С. 76.
44. Там же. С. 61.
45. См. [5]. С. 193.
46. См. [3]. С. 62.
47. Там же. С. 153.
48. См. [6]. С. 191.
49. См. [5]. С. 196.
50. *Берберова Н.* Железная женщина (Рассказ о жизни М. И. Закревской-Бенкендорф-Будберг, о ней самой и ее друзьях). Нью-Йорк: Руссика, 1981. С. 133.
51. Справочник. Русские во Франции // Ред. В. Зеелер. Париж: Издание С. М. Сарач. С. 7.
52. *М. Горький*. Собрание сочинений. В 30-тт. М.: Художественная литература. Т. 30. Письма, телеграммы, надписи. С. 246—247. (Письмо № 1046. К. А. Федину от 29 марта 1932 г.).
53. *Manoukine I.* La rate considérée comme un organs à secretion interne (A propos a'un récent Article de G. P. Sakharoff) // *OORev. Frans. d'endocrinol.* 1930. I—V. 8. №6. P. 527—529.
- Manoukine I. I.* La role de l'excitotherapie splénique dans les affections du système nerveus d'origine infectieuse ou déterminées par un troubles tunctionnel (antileucocytolytique) du fole // *Arch. Internat. de Neurol.* 1934. V. 53. P. 59—75.

- Manoukine I.* Quelques observations sur la nature des radiations émises par les tubes à rayons X // *Compt. rend. Acad. Sci.*, 1948. V. 227, P. 56—58. См. [30]. С. 202.
55. *Берберова И.* Курсив мой. Автобиография. Мюнхен: Верлаг, 198. С. 66.
56. *Гиппиус З.* Дневник 1933 г. (под ред. Т. Пахмус) // *Новый журнал*, 1987. Кн. 168—169. С. 206—218.
57. *Иван Манухин.* Воспоминание о 1917—1918 гг. // *Диалог*, 1991. № 18. С. 87—90. См. также [2].
58. См. [5]. С. 184.